

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ КУТЛУБИЦКОЙ¹⁾

(Генераль-адъютантъ Императора Павла I-го)

Вскорѣ по восшествіи на престоль Императоръ Павелъ спросилъ П. И. Мелессино его мнѣніе объ одномъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Петръ Ивановичъ отвѣтилъ: онъ ума свѣтлаго нрава ретиваго, но сердца отъменно горячаго.

„Такихъ людей мнѣ, сударь, и надобно!“ — сказалъ Государь, и по восшествіи на престоль онъ вызвалъ этого офицера въ Петербургъ и произвелъ въ генераль-майоры.

(Изъ исторіи Гвардейской артиллеріи).

Въ изданіи Вел. Кн. Николая Михайловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, составляющемъ единственную въ своемъ родѣ энциклопедію нѣсколькихъ царствованій, въ выпускѣ I-мъ тома IV подъ № 78-мъ помѣщенъ портретъ Н. (О). Кутлубицкаго, снятый съ находящагося въ Гатчинскомъ Дворцѣ²⁾.

¹⁾ Именно такъ: Кутлубицкой, а не — „икій...“, писалъ о себѣ покойный Николай Осиповичъ. Такъ же онъ именуется „Господинъ генераль-адъютантъ Кутлубицкой“ и въ именныхъ рескриптахъ Императора Павла, къ нему обращенныхъ. Межъ тѣмъ какъ отецъ Ник. Осип. росписывался: *Иосифъ Кутлубицкій*.

²⁾ Тотъ же приложенъ, судя по его описанію, и къ „Исторіи Государевой Свиты“. Въ „Исторіи же Гвардейской артиллеріи“ помѣщенъ другой портретъ Кутлубицкаго въ артиллерійской формѣ, снятый съ фамильнаго миниатюра, гдѣ Ник. Осип. изображенъ въ 22-лѣтнемъ возрастѣ, еще на службѣ генераль-адъютантомъ (en face).

Прилагаемъ здѣсь 3-ій портретъ Ник. Осип., какъ наиболѣе схожій, зарисованный, примѣрно, въ 1820 году.

Портретъ этотъ относится къ тому времени, когда Кутлубицкой былъ уже въ отставкѣ. Онъ изображенъ въ штатскомъ платьѣ съ Анненской звѣздой на груди. Возрастъ по портрету опредѣлить трудно, но Николай Осиповичъ выглядитъ на немъ весьма моложавымъ, красивымъ и оживленнымъ. Быть можетъ, художникъ нѣсколько ему и польстилъ, но этимъ не нарушилъ сходства съ оригиналомъ.

Къ портрету, какъ и ко всѣмъ другимъ, приложена краткая біографія на русскомъ и французскомъ языкахъ, но здѣсь сотрудники Издателя не особенно таки польстили Кутлубицкому: мѣстами у нихъ не хватило красокъ, мѣстами онѣ такъ сгущены, что повидимому уже нарушается самое сходство съ оригиналомъ. Явленіе это вполнѣ понятно ввиду множества представляемыхъ изданіемъ разнородныхъ біографій различныхъ царствованій, при чемъ свѣдѣній для біографіи Кутлубицкаго, въ общемъ лица второстепеннаго, въ печати имѣется очень немного, на что между прочимъ указалъ П. М. Майковъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г. Въ виду малой доступности изданія „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, приводимъ данную тамъ біографію Кутлубицкаго цѣликомъ, чтобы указать на допущенныя въ ней неточности и пополнить ея пробѣлы.

„Н. О. Кутлубицкой (1775—1849) былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника¹⁾, служившаго при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ-Задунайскомъ, а позднѣе жившаго въ своемъ маленькомъ хуторѣ въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

Кутлубицкой воспитывался въ артиллерійскомъ корпусѣ, откуда вмѣстѣ съ Капцевичемъ поступилъ на службу къ Гатчинскія войска Цесаревича Павла Петровича первымъ офицеромъ во вновь формируемую для него артиллерійскую батарею, которой командовалъ Аракчеевъ.

Цесаревичъ скоро полюбилъ адъютанта своей артиллеріи, приблизилъ его къ себѣ и сталъ называть „Николкой“²⁾.

Зная, что Кутлубицкой былъ опредѣленъ въ корпусъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ, Великій Князь смотрѣлъ на Кутлубицкаго, какъ на живую связь, соединяющую его съ Задунайскимъ, вѣрилъ въ его пре-

¹⁾ Курсивы наши, ввиду дальнѣйшихъ ихъ разъясненій.

²⁾ Въ 1795 году Кутлубицкой былъ назначенъ адъютантомъ къ Ею Высочеству одинъ, нося это званіе при Наслѣдникѣ. (Свид., Собр. генер. Ратчемъ).

данность и усердіе и *однажды*¹⁾, пользуясь поѣздкой Кутлубицкаго на родину въ Малороссію, довѣрилъ ему тайное письмо къ Румянцеву.

Вѣрность Кутлубицкаго была щедро вознаграждена Павломъ Петровичемъ по восшествіи его на Престолъ: уже 7-го Ноября 1797 г. новый Императоръ пожаловалъ Кутлубицкаго въ чинъ майора своимъ флигель-адъютантомъ, а 1 Января 1797 г. Павелъ назначилъ его, 22 лѣтъ отъ роду, генераль-адъютантомъ.

5 Апрѣля въ день Коронаванія онъ получилъ Анненскую ленту и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣніе въ Нижегородской губерніи²⁾.

Для Императора Кутлубицкой оставался однако вѣчно „Николкой“. *Развитію дѣятельности Кутлубицкаго помпшали его недалекость и неумѣніе угодить причудливому нраву Государя*: хотя въ началѣ 1797 года молодой генераль-адъютантъ и назначенъ былъ инспектировать войска въ южной Россіи³⁾.

Князь Лопухинъ считалъ Кутлубицкаго *человѣкомъ ума весьма ограниченнаго...* Но зато *все современники* отдають полную справедливость *нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго*: его *неподкупной честности и доброты*. Онъ неоднократно смѣялъ *ипльзъ Императора*, который самъ говорилъ, что черезъ Кутлубицкаго никто не сдѣлался

1) Это „однажды“, по словамъ Кутлубицкаго, случилось въ 1793 году, т. е., когда Императрица Екатерина передавала въ Особый Совѣтъ вопросъ о лишеніи Павла Петровича; въ составъ этого Совѣта входилъ и Румянцевъ-Задунайскій. Поэтому миссія Кутлубицкаго была для Павла Петровича чрезвычайной важности; но такъ какъ эта миссія болѣе не повторялась, то нѣтъ основанія утверждать, что на Кутлубицкаго смотрѣли лишь какъ на живую связь съ Задунайскимъ.

2) Имѣніе въ Нижегородской губерніи Кутлубицкой получилъ не въ коронацію, а раньше того—4-го Декабря 1793 года, будучи еще подполковникомъ. Генераль-Адъютантомъ онъ былъ въ 21 годъ, ибо родился въ Декабрѣ 1775.

3) Войска графа Салтыкова, (Генераль-Фельдмаршала) и полныхъ генераловъ Беклепова, Розенберга, Михельсона, Апраксина и Дуннина, а также крѣпости южной Россіи Кутлубицкой инспектировалъ не въ началѣ 1797, а въ концѣ его, и продолжалъ въ началѣ 1798 г., по именному рескрипту Императора отъ 14 Ноября 1797 г., въ которомъ Павелъ пишетъ своему „Николкѣ“: „господинъ Генераль-Адъютантъ Кутлубицкой! Съ полученіемъ сего отправьтесь...“ и т. д., откуда явствуетъ, что Н. О. Кутлубицкой былъ для Императора во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ:—*генераль-адъютантомъ*—не больше того, но и не меньше... что не мѣшало Павлу именовать Кутлубицкаго уменьшеннымъ именемъ (отъ древняго *Николы*) въ болѣе интимной жизни, при чемъ и Кутлубицкой называлъ его „*батюшкой*“... О дальнѣйшемъ, курсивѣ скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

несчастливымъ¹⁾, для того суроваго времени и это было великой заслугой.

Въ 1798 году Кутлубицкой 23 лѣтъ²⁾, былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а послѣ сооруженія новой Императорской резиденціи—Михайловскаго замка, назначенъ былъ его Комендантомъ³⁾.

Но комендантъ этотъ былъ внезапно арестованъ графомъ Паленомъ вечеромъ 11 Марта за нѣсколько часовъ до кончины Императора⁴⁾.

Въ началѣ царствованія Александра I-го Кутлубицкой состоялъ нѣкоторое время шефомъ Л. Гв. Артиллерійскаго баталіона, но въ 1802 году вышелъ въ отставку и всю остальную жизнь провелъ въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ Нижегородскомъ имѣніи с. Петропавловскомъ⁵⁾.

Кутлубицкой любилъ вспоминать прошлыя времена и все имъ пережитое въ короткое время, но богатое переменами царствованіе Павла I. „Разказы о временахъ Императора Павла“, записанныя съ его словъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 66 г. и даютъ вѣрную характеристику чреватаго событіями времени, когда ему суждено было играть такую видную роль⁶⁾.

1) „Я черезъ Кутлубицкаго никого не сдѣлалъ несчастнымъ“, говорилъ Императоръ, что выходитъ нѣсколько рельефнѣе и ближе къ истинѣ; посему дальнѣйшую фразу правильнѣе было-бы редактировать: „для того суроваго времени *это и было великой заслугой*“, для чего слѣдуетъ немного продвинуть союзъ „и“.

2) 22 лѣтъ отъ роду.

3) Что довольно трудно совмѣстить съ вышеуказаннымъ утвержденіемъ о „неумѣніи его угодить Императору“!...

4) Здѣсь между комендантомъ и Императоромъ указанъ „графъ Паленъ“, будто частное лицо безъ должности. Не правильнѣе ли было бы записать, что „этотъ комендантъ“ былъ арестованъ генералъ-губернаторомъ, который имѣлъ за собой особыя Высочайшія полномочія о подчиненіи ему не только коменданта Дворца, но и лицъ, выше его стоящихъ, на что имѣлись у него чистыя бланкеты за подписью Императора. Безъ этой оговорки „этотъ комендантъ“—(se commendant) звучитъ ироніей... и не совсѣмъ основательной!

5) Костянкѣ—тожъ (Арзамасскаго уѣзда).

6) Разказы эти записаны, какъ уже извѣстно, другомъ Кутлубицкаго Александромъ Ивановичемъ Ханенкой, Черниговскимъ Предводителемъ Дворянства, старожиломъ Черниговской губерніи, умершимъ въ 1895 году. (Внукъ его Вас. Алекс. Ханенко нынѣ Стародубскій Предводитель Дворянъ).

Послѣдніе годы жизни Кутлубицкой, передавъ Петропавловское сыну¹⁾, провелъ вмѣстѣ съ назамужнею дочерью²⁾ на хуторѣ своей сестры³⁾ „Никольскомъ“, въ 6 верстахъ отъ города Городни, Черниговской губерніи. Здѣсь въ скромной обстановкѣ, окруженный заботами любимой семьи, добрый и радушный старикъ любилъ повторять свои рассказы, сидя въ своей маленькой комнатѣ, украшенной бюстомъ и портретомъ его благодѣтеля, профиль котораго украшалъ любимый его перстень, а на подаренной ему табакеркѣ съ портретомъ Павла онъ вырѣзалъ надпись „по Богѣ онъ единъ, имъ и существу“⁴⁾.

Здѣсь Н. О. Кутлубицкій и скончался 15-го Іюля 1849 г. Кто была его жена⁵⁾, которую Императоръ называлъ „Колибри“ по причинѣ малаго роста; равно количество и имена его дѣтей—намъ неизвѣстно⁶⁾“.

Эта краткая біографія Кутлубицкаго видимо составлена по Русскому Архиву 1866 г. и по 25-му приложенію къ сочиненію Шиль-

1) Николаю Николаевичу—полковнику лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка; въ концѣ 50-хъ годовъ Нижегородскій губернскій Предводитель Дворянства. (Подъ его предводительствомъ Нижегородское Дворянство сыграло исторически видную роль передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости).

2) Юлія Николаевна, вышла замужъ за полковника конной артиллеріи Станкевича; окончила жизнь самоубійствомъ въ 1858 году.

3) Варвары Осиповны, по мужу *Войцеховичъ*. [О родѣ Войцеховичъ см. Лазаревскаго, *Сулиминскій фамильный архивъ*“ (Кіев. Старина 1882 г.). Эпоха Екатерины II и Павла I], владѣтелемъ котораго являлся Алексѣй Андреевичъ Войцеховичъ (помѣщикъ, с. Сулимовки Переяслав. уѣз. Подтавск. губ.). Сынъ Варвары Осиповны—Петръ Антоновичъ Войцеховичъ (кавалерійскій генералъ) въ 50-хъ годахъ командовалъ Псковскимъ Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ. Братъ его Николай Антоновичъ служилъ въ межев. департаментѣ Сената (племянники Ник. Осип. Кутлубицкаго).

4) Это гладкая золотая табакерка работы Eberley; что касается портрета Павла, въ нее вдѣланнаго, (подареннаго Кутлубицкому Императоромъ 3 Февр. 1801 г.), то о немъ писалъ извѣстный коллекціонеръ Щукинъ, тщетно пытавшійся пріобрѣсти его въ свою коллекцію (См. Рус. Арх. Окт. 1912 г.); относительно же перстня извѣстно, что онъ былъ переданъ въ 1852 г. Императору Николаю Павловичу племянникомъ Кутлубицкаго—Войцеховичемъ, бывшимъ командиромъ Псковскаго (тогда лейбъ-кирасирскаго) полка. По однимъ свѣдѣніямъ профиль Павла, вырѣзанный въ перстнѣ на камнѣ, былъ, работы Мозжечкова (воспоминанія Ханенки), по другимъ Доброхотова (письмо Кутлубицкаго къ Императору Николаю Павловичу).

5) Дочь совѣтника Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, Евдокія Савельевна Ваксель (1777—1840).

6) 1) *Павелъ Николаевичъ* (1801—1842), крестникъ Александра I и вдовств. Императрицы Маріи Феодоровны,—штабъ-ротмистръ Л. Гв. Конно-Егерскаго полка; 2) *Николай Николаевичъ* (1808—1874),—дѣйств. Статск. Совѣтникъ, Нижегородск. губернск. Предводитель Дворянства; 3) *Анна Николаевна* (1803—1845), по мужу *Карамолова*; 4) *Юлія Николаевна* (1805—1858), по мужу *Станкевичъ*.

дѣра „Императоръ Павелъ I-й“, изъ разсказовъ о старинѣ князя Павла Петровича Лопухина, записанныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ съ его словъ въ 1869 г.

Въ естественномъ стремленіи сократить эти выдержки, въ краткой біографіи однако сдѣланы обобщенія, которыя представляются мѣстами произвольными и неточными, почему мы ихъ и означили курсивомъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго разъясненія.

Начнемъ съ происхожденія Кутлубицкаго, о которомъ сказано, что онъ былъ „сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника“. Этой справкой отцу Кутлубицкаго повидимому отказывается даже въ дворянствѣ, тѣмъ болѣе, что во времена Императора Павла дворяне могли служить лишь на военной службѣ или по иностранной коллегіи, на которыя въ біографіи ссылки не имѣется.

„Мелкій канцелярскій чиновникъ“ появился здѣсь изъ перефразировки записаннаго въ Русскомъ Архивѣ 66 года, гдѣ среди разсказовъ о Кутлубицкомъ и временахъ Императора Павла было сказано между прочимъ слѣдующее:

„Великому Князю Павлу Петровичу было извѣстно черезъ самого Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ маленькомъ имѣніи своемъ (тамъ-то) служилъ въ канцеляріи Графа Румянцева, управлявшаго Малороссіей, и находился при немъ въ Турціи“.

Трудно изъ этой случайной фразы построить что-нибудь определенное о происхожденіи Кутлубицкаго, но записать въ видѣ конспекта, что онъ былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника, едва ли правильно.

Пока для дворянъ кромѣ разсказовъ о происхожденіи существуютъ и родословныя книги, приводимъ здѣсь точную выписку изъ 6-й части дворянской родословной Нижегородской губерніи, гдѣ Николай Осиповичъ владѣлъ пожалованными ему имѣніями, а сынъ его, Николай Николаевичъ, былъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

Въ 6 части родословной книги о Кутлубицкихъ записано такъ:

„Фамилія Кутлубицкихъ происходитъ отъ польскаго шляхетства. Потомки сего рода, Кутлубицкіе, находились въ Польшѣ въ знатныхъ

чинахъ и владѣли деревнями. Въ новѣйшія же времена происходящій отъ сего рода *Іосифъ Кутлубицкій*¹⁾ выѣхалъ изъ Польши, вступилъ въ вѣчное Россіи подданство, и за службу Россійскому Престолу какъ онъ, такъ и потомки сего рода жалованы чинами“.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе древняго герба Кутлубицкихъ²⁾.

Изъ дальнѣйшаго видно, что отецъ Н. О. служилъ въ иностранной коллегіи и фамилію его можно найти въ старинныхъ спискахъ по посольствамъ въ Турціи³⁾.

Совокупность этихъ справокъ даетъ основаніе вычеркнуть изъ біографіи Кутлубицкаго неправильное сообщеніе о мелкомъ канцелярскомъ чиновникѣ.

Отъ происхожденія прямо перейдемъ къ „умственнымъ способностямъ“ покойнаго, оцѣнка которыхъ въ краткой біографіи поставлена также ниже обыкновеннаго уровня, благодаря рѣзкой аттестаціи Свѣтлѣйшаго Князя Лопухина, который, по словамъ біографіи „считалъ *Кутлубицкаго* человекомъ ума весьма ограниченнаго“.

Оцѣнка умственныхъ способностей до сего времени остается вопросомъ весьма щекотливымъ, и рѣдко приходится читать столь безцеремонную аттестацію даже по отношенію умершихъ.

Отъ ограниченности ума конечно не уберезетъ не только 6-я книга, но и высокій титулъ Свѣтлости, носимый Лопухинымъ, поэтому въ данномъ случаѣ дѣйствительную оцѣнку этой аттестаціи надо искать не тамъ, гдѣ рѣшался сейчасъ вопросъ о происхожденіи... Не лишнее впрочемъ оговориться, что если до сего времени въ печати обсуждается вопросъ объ умственныхъ способностяхъ самого Императора Павла, то довольно естественно поговорить о томъ же и по отношенію его приближенныхъ, по пословицѣ—„скажи съ кѣмъ ты знакомъ“... и т. д.

1) Отецъ Николая Осиповича Іосифъ Григорьевичъ статскій совѣтникъ, числящійся въ иностранной Коллегіи.

2) Гербъ Кутлубицкихъ имѣетъ: вверху въ голубомъ полѣ—рука въ металлической перчаткѣ, держащая обнаженный мечъ; направо внизу—въ золотомъ полѣ—бѣлый баранъ, несущій крестъ на концѣ древка; налѣво 3 серебряныя рѣпки въ красномъ полѣ.

3) Кутлубицкій вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ былъ посаженъ въ свое время Турецкимъ султаномъ въ 7 башенный замокъ... (См. біогр. Румянцевъ-Задунайскій).

Итакъ— „Князь Лопухинъ считалъ Кутлубицкаго“.....

Прежде всего слѣдовало бы спросить: „какой Князь Лопухинъ?“ Ихъ было нѣсколько...

На сей разъ извѣстно по Шильдеру, что рѣчь идетъ о Свѣтлѣйшемъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, рассказы котораго записаны въ 1869 г. Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ (черезъ 3 года послѣ появленія въ Русскомъ Архивѣ рассказовъ о старинѣ А. И. Ханенко, записанныхъ со словъ Кутлубицкаго). Рассказы Лопухина совсѣмъ не отличаются той скромностью, которой проникнуты рассказы А. И. Ханенки; достаточно указать, что въ нихъ преимущественно говорится о родѣ Лопухиныхъ и его заслугахъ, о чемъ вообще такъ старательно избѣгала говорить первый рассказчикъ о временахъ Павла*).

Въ рассказахъ *этого* Лопухина о Кутлубицкомъ записано буквально слѣдующее:

„Николая Осиповича Кутлубицкаго, коего рассказы напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 66 г., *Князь Лопухинъ лично не зналъ, но только слышалъ о немъ*, что онъ былъ человекъ ума весьма ограниченнаго“....

Итакъ прежде всего и въ настоящемъ случаѣ ссылка биографіи не сходится съ подлинникомъ, ибо не одно и то же сказать: „Лопухинъ лично не зналъ, но слышалъ“ или „Лопухинъ—уже—считалъ и т. д.

Далѣе у Лопухина указанъ и мотивъ этого слуха: „Будучи уже Генераль-Аншефомъ, онъ (Кутлубицкій) все еще жаловался, что его обошли двумя чинами“, и сдѣлано позднѣйшее примѣчаніе: „О Кутлубицкомъ де-Сангленъ въ своихъ запискахъ приводитъ анекдотъ о пристройкѣ къ кордегардіи, вслѣдствіе большаго числа арестованныхъ офицеровъ, которымъ такъ тѣсно, что ни сѣсть, ни лечь нельзя“...

Разберемъ оба указанные здѣсь мотива. 1) Будучи 22-хъ лѣтъ Генераль-Лейтенантомъ (съ Іюня 1798 г.), Кутлубицкій не былъ и не могъ быть *Генераль-Аншефомъ* прежде всего потому, что такого чина

*) Н. К. Шильдеръ уже обратилъ вниманіе на нѣкоторыя несообразности этихъ воспоминаній—такъ напримѣръ—домъ Дерibasа на Адмиралтейской по словамъ князя П. П. Лопухина *кутлень его отцомъ*, между тѣмъ какъ всѣмъ было извѣстно, что домъ этотъ *подаренъ Павломъ* Лопухину изъ-за прекрасныхъ глазъ его дочери Анны Петровны и пр.

не существовало въ царствованіе Павла; Кутлубицкой былъ Генераль-Адъютантомъ и произведенъ въ Генераль-Майоры (1 Января 1797 г.) прямо изъ подполковниковъ, *минуя чины полковника и бригадира*, что и давало ему поводъ говорить, что онъ сдѣлался генераломъ лишь потому, что „Государь обошелъ его двумя чинами“.

Если этотъ остроумный отвѣтъ поставленъ какъ мотивъ „ограниченности“, то конечно по „недоумѣнію“... Лопухинъ не зналъ степени чиновъ въ царствованіе Павла (иначе онъ не писалъ бы о „Генераль-Аншефѣ“), не зналъ лично Кутлубицкаго (какъ и самъ говоритъ), не зналъ и того, что 22-лѣтній Генераль-Лейтенантъ въ дѣйствительности *былъ обойденъ двумя чинами*, случай рѣдкій даже въ царствованіе Павла по стремительности производства. Приходится черезъ 115 лѣтъ разъяснить слова Кутлубицкаго, чтобы возстановить истину и прекратить сплетню на его счетъ.

Не соглашаться же съ Лопухинымъ, что Кутлубицкой дѣйстви-тельно могъ „жаловаться“ въ 21—22 года, что онъ еще не *Генераль-Фельдмаршалъ* и не *Генералиссимусъ*, а вѣдь другихъ 2 чиновъ за „Генераль-Аншефомъ“ и не придумаешь!

Мы вправѣ считать, что первый примѣръ Лопухина объ ограниченности Кутлубицкаго „*по истинѣ пришелся не по коню, а по олоблѣ*“, ибо здѣсь проглядываетъ ограниченность не со стороны Кутлубицкаго, а со стороны того, кто не понялъ его шутки...

2) Остается провѣрить ссылку на де-Санглена.

Здѣсь не приходится спрашивать: „*Какой де-Сангленъ?*“ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, какъ современникъ царствованій Павла и Александра I, достаточно извѣстенъ по своимъ запискамъ, и свидѣтельство его необходимо выслушать, но также *не по слухамъ*, а въ подлинникѣ.

Что же сказалъ Я. И. де-Сангленъ о Кутлубицкомъ и Кордегардіи, и въ какой степени еще этотъ анекдотъ можетъ служить оказательствомъ „ограниченности“ Кутлубицкаго?

Обращаемся къ *подлинникамъ*.

Де-Сангленъ сказалъ въ своихъ запискахъ о Кутлубицкомъ и Кордегардіи буквально слѣдующее:

„С.-Петербургскій Комендантъ Кутлубицкой *добрѣйшій въ міръ* человекъ, жалтя о числѣ сидящихъ подѣ арестомъ офицеровъ за фронтовые ошибки, окончивъ рапортъ Государю о прѣзжающихъ и отѣзжающихъ изъ столицы, *не уходилъ* и держалъ въ рукахъ длинный свертокъ бумаги...

— „Это что?“ спросилъ Государь.

— „Планецъ, Ваше Императорское Величество! Нужно сдѣлать пристроечку къ кордегардіи“.

— „На что?“

— „Такъ тѣсно, Государь, что офицерамъ ни сѣсть, ни лечь нельзя“...

— „Пустьки!“ сказалъ Императоръ, „всѣ они посажены не за государственныя преступленія: *нынѣ выпустить одну половину, а завтра друую*, и всѣмъ мѣсто будетъ; строить не нужно...“

— *И впредѣ повельвию такъ поступать“*...

И правда, какъ былъ „ограниченъ“ Генералъ Кутлубицкой, жалющій о числѣ арестованныхъ офицеровъ!...

Къ чему это онъ молча держалъ въ рукахъ свой „планецъ“, столь значительныхъ размѣровъ, что Государь не могъ не обратить вниманія на него *). Не проще ли было бы *прямо* доложить Государю, что по мнѣнію его, коменданта, офицеровъ не слѣдуетъ болѣе сажать въ Кордегардію!

Быть можетъ человекъ „не ограниченный“ такъ бы и поступилъ, но Кутлубицкой пошелъ на другое, болѣе оригинальное средство и получилъ отъ Павла разрѣшеніе *выпускать офицеровъ изъ Кордегардіи, чего онъ только и добивался своимъ „длиннымъ планцемъ“*...

Но если и этотъ анекдотъ приводится какъ примѣръ „ограниченности“ Кутлубицкаго, то какого же мнѣнія надо быть о тѣхъ, кто

*) Н. О. Кутлубицкой былъ выдающійся по тому времени чертежникъ и отлично зналъ, что такое „масштабъ“ чертежа, чтобы не таскать съ собою длинныхъ плановъ для незначительныхъ пристроекъ (что зналъ и Павелъ).

не желаетъ понимать смысла столь несложныхъ анекдотовъ! Хотя де-Сангленъ писалъ и не „для дѣтскаго возраста“, но все же записалъ, что Кутлубицкой въ дѣйствительности жалѣлъ о числѣ арестованныхъ офицеровъ, а вовсе не о тѣснотѣ помѣщеній, расширять которыя для дальнѣйшаго увеличенія числа арестованныхъ „добрѣйшій въ мірѣ человекъ“ конечно не думалъ, хотя и принесъ съ собой огромный свитокъ, которымъ хотѣлъ по своему поразить Императора.

Мы уже выше оговорились, что сужденіе объ умственныхъ способностяхъ—вопросъ щекотливый, и не слѣдуетъ ставить его ребромъ, какъ то допустилъ Князь Лопухинъ по отношенію Кутлубицкаго; но если и послѣ прочтенія подлинниковъ значеніе анекдота де-Санглена остается для кого-либо невразумительнымъ, то считаемъ не лишнимъ привести другой аналогичный анекдотъ, въ которомъ вмѣсто „длиннаго планца“ является „длинное лицо“ съ тѣми же благопріятными послѣдствіями для потерпѣвшихъ. Анекдотъ этотъ рассказанъ самимъ Кутлубицкимъ тому же А. И. Ханенкѣ, который записалъ его въ Русскомъ Архивѣ 68 года.

„Однажды забѣжала въ комнаты Кутлубицкаго (когда онъ былъ еще холостымъ) Камеръ-Юнгфера Великой Княгини Анны Федоровны и между прочимъ сообщила ему, что Великая Княгиня очень скучаетъ и чувствуетъ себя отъ этого даже больной. Кутлубицкой понялъ, что она скучаетъ по причинѣ отсутствія своего супруга—Цесаревича, находившагося съ Суворовымъ въ Италіи, желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать...

„На другой день, рассказываетъ Кутлубицкой, когда *батюшки* *) отдыхалъ послѣ обѣда, я побѣжалъ на половину Великой Княгини и рѣшился предложить ей свой совѣтъ.

—„Благодарю Васъ, Генераль, за Ваше участіе ко мнѣ; Вы отгадали мое желаніе. Но научите же, какъ мнѣ это сдѣлать?“

—„Очень просто: сегодня въ вечернемъ собраніи извольте принять грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ Вамъ и спроситъ о причинѣ Вашей грусти; тогда Вы скажите, что скучаете въ отсутствіе Великаго Князя и чтобы находиться ближе къ нему,

*) Такъ называлъ Кутлубицкой Императора изъ сыновней къ нему преданности... (Ханенко).

желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали... Императоръ самъ былъ всегда почтительнымъ сыномъ и уважаетъ это чувство въ другихъ. *Онъ тотчасъ исполнитъ Ваше желаніе.*"

Такъ и случилось. Великая Княгиня исполнила все по совѣту Николая Осиповича, и Государь, похваливъ ея чувства, спросилъ:

— Когда же Вы желаете ѣхать? Сейчасъ этого нельзя сдѣлать, а завтра все будетъ готово къ Вашему путешествію.

И призвавъ оберъ-штальмейстера, Государь приказалъ приготовить на другой день двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу.

На другой день Великая Княгиня была уже въ пути".

Здѣсь вмѣсто „длиннаго планца“ является „длинное лицо“, остальное безъ измѣненія какъ у де-Сантлена: то же молчаніе просителя, такой же вопросъ самого Государя, тотъ же заранѣе подготовленный отвѣтъ и въ результатѣ исполненіе того желанія, высказать которое напрямикъ иногда было невозможно, иногда рискованно.

Природная находчивость Кутлубицкаго, подкрѣпленная знаніемъ всѣхъ привычекъ и взглядовъ Государя, конечно не говоритъ еще объ его „государственномъ умѣ“, но все же исключаетъ возможность предположеній, что это былъ человѣкъ „ума ограниченнаго“, не умѣвшій „сообразоваться съ причудливымъ нравомъ Императора“. Приведенные примѣры доказываютъ какъ разъ противное, что онъ умѣлъ гораздо лучше другихъ, не исключая и членовъ Императорской фамиліи, сообразоваться съ привычками и взглядами Императора. Это доказывается и тѣмъ, что за все свое 8½—лѣтнее пребываніе при Павлѣ Кутлубицкой получилъ лишь одинъ офиціальный выговоръ, отредактированный самимъ Государемъ въ приказѣ 15 Августа 1800 г.: „За упущеніе должности и *недѣльные вопросы*“ (за свое же заступничество). Кто другой могъ похвалиться такимъ „ограниченіемъ“ изъ современниковъ Кутлубицкаго при Императорѣ Павлѣ? Мы такого не знаемъ...

Н. А. Саблуковъ, записки котораго впервые появились въ Англии, вспоминаетъ въ нихъ о Николаѣ Осиповичѣ Кутлубицкомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Подполковникъ Кутлубицкой изъ конной артиллеріи (также Гатчинецъ) *часто рисковалъ* своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ

Императора Павла для того, чтобы спасти отъ наказанія молодыхъ офицеровъ... Я испыталъ это на самомъ себѣ“.

Это не забылъ и говорить тотъ Саблуковъ, который вечеромъ 11 Марта 1801 года на возгласъ Императора „Vous etes des jacobins!“ довольно рискованно отвѣчалъ: „Oui, Sire“. А когда Государь поправился фразой „Pas vous, mais le regiment!“ еще болѣе рѣшительно отвѣчалъ: „Passe encore pour moi, mais Vous-vous trompez pour le regiment!“ Личный отзывъ этого рыцаря изъ Конной Гвардіи отсутствуетъ въ біографіи Кутлубицкаго и замѣненъ заочнымъ отзывомъ Лопухина о Генераль-Аншефѣ...

Кому здѣсь болѣе вѣрить—указывать излишне: извѣстность П. П. Лопухина въ то время могла быть нѣсколько иного характера, чѣмъ Саблукова и де-Санглена: въ 1798 г. князю П. П. Лопухину исполнилось всего 10 лѣтъ и его тогда можно было знать лишь какъ брата Анны Петровны (Гагариной)—фаворитки Императора, и какъ сына Петра Васильевича отъ 2-го брака его съ Екатериной Николаевной Шегневой, бывшей (до замужества) фаворитки князя Безбородки. Вотъ эта двойная извѣстность. Къ тому же Лопухины продвигались впередъ одновременно съ графомъ Паленомъ; а что хорошаго могъ слышать *отрокъ* Лопухинъ*) въ этомъ обществѣ о Кутлубицкомъ, арестованномъ тѣмъ же Паленомъ въ ночь 11 Марта!

Тѣмъ не менѣе заочный отзывъ Лопухина не только поставляется на видъ въ біографіи Кутлубицкаго, но и служитъ темой для утвержденія, что развитію дѣятельности его помѣшали его „недалекость и неумѣніе“ угодить Императору.

Не повторяя разъ уже сказаннаго, мы поставимъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе.

17-лѣтній Кутлубицкой, одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ артиллерійскаго корпуса, по выбору Екатерины Великой, назначается подпоручикомъ въ Гатчинскую баттарею.

19-ти лѣтъ онъ уже майоръ при Наслѣдникѣ; въ 20 лѣтъ—подполковникъ Гвардіи и Флигель-Адъютантъ Императора, въ 21—генераль-майоръ и Генераль-Адъютантъ (*обойденъ двумя чинами!*).

*) Князь П. П. Лопухинъ скончался въ 1873 году—это скорѣе нашъ современникъ, чѣмъ Павловскаго царствованія.

Въ 22—Свиты Его Величества Генералъ-Лейтенантъ.

Въ 23—24—Шефъ Гвардейской Артиллеріи и членъ Военной Коллегіи.

Въ 25—комендантъ Дворца, на которомъ Государь приказываетъ поставить надпись: „Дому Твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней“, а Кутлубицкому говорить: „Ты, *Николка*, опять при Моей особѣ подвижнымъ комендантомъ; *идь Я буду, тамъ и ты**).“

1 Февраля Государь переѣзжаетъ въ этотъ Дворецъ, а черезъ 40 дней онъ уже лежитъ въ гробу.

Ставимъ снова вопросъ: „что же помѣшало Кутлубицкому въ развитіи его дѣятельности?“

Отвѣтъ прямой и ясный: „*Смерть Императора*, и ничего больше!“

Карьера Кутлубицкаго была впереди; не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ *моложе всѣхъ друиѣхъ приближенныхъ Императора* (напримѣръ Растопчина), *по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ*.

Быть въ 20 лѣтъ съ небольшимъ Генералъ-Адъютантомъ, членомъ Военной Коллегіи, шефомъ отдѣльной гвардейской части, Комендантомъ Дворца—казалось бы вовсе не значить „не имѣть достаточной дѣятельности“. Каждая изъ этихъ обязанностей въ отдѣльности болѣе чѣмъ достаточна и не для молодого Генерала. И если Кутлубицкой, занятый всегда по горло, не совалъ тогда своего носа и въ „дѣла Государственныя“, то это отнюдь не говорить еще объ его недалекости, а скорѣе какъ разъ наоборотъ.

Кутлубицкой могъ про себя повторить слова, сказанныя уже его одноклассникомъ Капцевичемъ по поводу произведенной ему Сенаторской ревизіи:

*) Эта фраза, сказанная Императоромъ Кутлубицкому почти въ концѣ царствованія, дала поводъ записать въ его биографіи, что Кутлубицкой „вѣчно оставался Николкой“ для Императора. Не говоря уже о томъ, что царствованіе Павла было слишкомъ непродолжительнымъ, не только по сравненію съ вѣчностью, но и съ другими ближайшими царствованіями, при оцѣнкѣ этого заключенія необходимо имѣть въ виду, что и оно выведено изъ словъ *самаго* Кутлубицкаго, который конечно ничего подобнаго сказать не хотѣлъ и не говорилъ. Милостивая фраза Императора „*идь Я буду, тамъ и ты*“ говорить сама за себя и не нуждается ни въ комментаріяхъ, ни въ обобщеніяхъ, которыя и на сей разъ являются произвольными.

„Пусть не мнѣ законы писать, но и не мнѣ *учиться отъ другихъ*, какъ служить своему Императору!¹⁾“

Тѣмъ не менѣ біографія Кутлубицкаго всецѣло признаетъ, что „*всѣ современники отдавали полную справедливость нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго*—его неподкупной честности и добротѣ; что онъ неоднократно *смягчалъ гнѣвъ Императора*, который самъ говорилъ, что черезъ Кутлубицкаго онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ“.

Разъ такъ свидѣтельствуютъ всѣ современники, то это и есть то *единственно достоверное и наиболее цѣнное* для біографіи Кутлубицкаго, чѣмъ онъ и самъ болѣе всего дорожилъ въ своей жизни, но... и здѣсь необходимо различать и раздѣлять два совершенно самостоятельныя положенія: *одно*—нравственныя качества, его честность и доброта, *другое*—умѣніе дѣйствовать на Императора даже въ наиболѣе критическіе моменты вспышекъ его гнѣва... Ибо конечно нельзя же было всегда „смягчать гнѣвъ Императора“ (что такое былъ гнѣвъ Павла—достаточно извѣстно!) *одною честностью и добротой!* Очевидно для этого необходимы были другія душевныя и умственныя качества, которыя также неотъемлемы отъ Кутлубицкаго, какъ его честность и доброта. Чтобы смягчать царскій гнѣвъ, „постоянно рискуя своимъ положеніемъ“ (Саблуковъ), и все же *не потерять этого положенія*,—необходимо было быть человѣкомъ „ума свѣтлаго, нрава ретиваго и сердца отменно горячаго“, почему мы этотъ эпиграфъ и помѣстили вверху настоящей замѣтки о Кутлубицкомъ²⁾.

„*Такихъ людей мнѣ, сударь, и надобно!*“ говорилъ Императоръ Павелъ, и здѣсь остается лишь распространить эти слова Павла и по отношенію къ Н. О. Кутлубицкому, котораго онъ цѣнилъ до конца своей жизни.

Трагическій конецъ Императора не ложится чернымъ пятномъ на его память, которую мы обязаны почитать какъ вѣрнаго и преданнаго слуги Императора, служившаго ему „за совѣсть“, человѣка неподкупной честности, неограниченной доброты, всегда благожелательнаго къ ближнимъ, глубоко религіознаго и никогда не совашагося впередъ...³⁾.

¹⁾ Это признавалъ и Императоръ Николай Павловичъ, всегда милостиво относившійся къ покойному Кутлубицкому; поэтому имя Николая Осиповича съ этой стороны въ реабилитационномъ повидшному не нуждается...

²⁾ Этотъ отзывъ былъ данъ о Базинѣ.

³⁾ „Выполняя долгъ свой, остался я съ честнымъ именемъ и поставилъ себя въ такое положеніе, что могу теперь смотрѣть чистыми глазами на весь свѣтъ, безъ зазрѣнія совѣсти, и не страшусь предстать на судъ Всевышняго Судьи, и бѣдная моя подушка *не вертится у меня подъ головой*“... Писалъ Н. О. Кутлубицкій къ Цесаревичу Константину Павловичу 16 Января 1829 года. (См. Рус. Арх., 1912 г. № 10).

И если среди „Гатчинцевъ“, этихъ „опричниковъ Павловскаго царствованія“, изъ которыхъ лучшей (по случайному выраженію Ропчина) заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда, находится человекъ, быть можетъ и не лучшей, нравственнымъ качествамъ котораго отдають полную справедливость всѣ современники, то это невольно наводитъ на мысль, что и самое царствованіе Павла еще ждетъ своего безпристрастнаго изслѣдователя, ибо многое въ немъ преувеличено, осуждено и опорочено на основаніи часто одностороннихъ отзывовъ и поспѣшныхъ рѣшеній, имѣющихъ въ виду по возможности оправдать злое дѣло 11 Марта 1801 года...

Предоставляя эти изслѣдованія по принадлежности историкамъ Павла, обратимся къ Н. О. Кутлубицкому, чтобы сказать о немъ то, что намъ извѣстно по семейному его архиву, въ настоящее время къ сожалѣнію уже на три четверти утраченному.

II.

„Я вижу, что Наслѣдникъ тебя любить. Когда онъ взоидетъ на престоль,—ты будешь къ нему близокъ. Смотри же, вотъ тебѣ мое стариковское наставленіе: *проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но для себя, чтобы языкъ твой не заикался*“...

(Слова Графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, сказанныя имъ Н. О. Кутлубицкому въ 1793 году, передъ отъѣздомъ его изъ Малороссіи въ Гатчину)

„Кутлубицкій во все время пребыванія своего при Дворѣ старался быть вѣрнымъ этому благосклонному наставленію рѣднаго по чувствамъ и характеру вельможи временъ Екатерины“.

(А. Ханенко; Русск. Арх. 1866 г.).

„Что вамъ за охота, Алексѣй Андреевичъ, изъ-за пустяковъ шить Государя?“ сказала Аракчееву флигель-адъютантъ Кутлубицкій...

— Какъ такъ? спросилъ Аракчеевъ.

„Вы азыскали, ку и концы въ воду! Къ чему-же объ этомъ докладывать? Вы хоть бы обмолвкой когда кого нибудь похвалили!“...

Аракчеевъ улыбулся на слова Кутлубицкаго, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора 8 Декабря 1796 года послѣдовалъ всѣхъ поразившій Высочайшій приказъ: о производствѣ капитана

Глики за исправность, найденную Комендантомъ Аракчеевымъ!!¹⁾.

(Свѣд. объ Аракчеевѣ, Генерала Ратча).

Изъ сохранившихся послѣ Н. О. Кутлубицкаго бумагъ²⁾ видно, что родъ Кутлубицкихъ имѣеть происхожденіе отъ польскаго шляхетства, жившаго въ воеводствѣ Волынскомъ, повѣтѣ Кремнецкомъ, гдѣ многіе изъ этого рода владѣли помѣстьями и „бывали въ знатныхъ чинахъ“. Родъ Кутлубицкихъ владѣлъ Волынскими имѣніями еще во 2-й половинѣ XVII вѣка, но происходилъ ли онъ отъ русскихъ людей древняго Волынскаго княжества, или отъ выходцевъ Литовскихъ (по присоединеніи этой области Гедиминомъ въ 1336 г.), или отъ переселенцевъ польскихъ, которые начали селиться на Волыни послѣ Люблинской уніи (1569 г.), или уніи Церковной (1596 г.), того не извѣстно, и установить это тѣмъ болѣе трудно, что родъ Кутлубицкихъ имѣлъ нѣкогда и другую фамилію „*Кутлубенко*“ или „*Кутлубикъ*“, что впрочемъ ближе всего указываетъ на древне-малороссійское его происхожденіе³⁾.

Семейное преданіе говорить, что прадѣдъ Н. О. Кутлубицкаго былъ взятъ въ плѣнъ крымскими татарами и проданъ ими въ рабство въ Константинополь. Это было въ кровавую эпоху Хмѣльницкаго (1648—1650 г.), когда Волынь была главнымъ театромъ религіозной и національной борьбы, и союзники казаковъ—крымскіе татары—по заключенному съ Хмѣльницкимъ договору,—забирали массу плѣнниковъ какъ военную добычу, не особенно разбирая,—къ какой изъ враждующихъ сторонъ таковыя принадлежать.

¹⁾ Выс. приказъ 8 Декабря. 1796 г. „Лейбъ-Гренадерскаго полку капитанъ Глика въ майоры за отмѣнную исправность въ караулѣ, при осматриваніи его Комендантомъ Генералъ-Майоромъ Аракчеевымъ“.

²⁾ Въ томъ числѣ приговоръ депутатскаго собранія Дворянства Новгорода Сѣверскаго Намѣстничества отъ 10 Декабря 1784 г. о внесеніи въ 4 часть родословной—Коллежскаго Иностранныхъ Дѣлъ Ассессора Іосифа Григорьевича Кутлубицкаго (отца Ник. Осип.) и брата его подпоручика Луганскаго Пиканернаго полка Луки Григорьевича; каковой приговоръ впрочемъ Департаментомъ Герольдіи утвержденъ не былъ по формальнымъ причинамъ и впоследствии замѣненъ постановленіемъ Депутатскаго Собранія Нижегород. губ., гдѣ Кутлубицкіе занесены въ 6 часть родословной.

³⁾ Н. О. Кутлубицкій не только считалъ себя малороссомъ, но и многія письма свои къ роднымъ (Горленки, Максимовичи, Войцеховичи, Оболонскіе и др.) писалъ часто на малороссійскомъ нарѣчій, которымъ владѣлъ свободно; польскаго же языка онъ не зналъ и не любилъ.

Къ какой сторонѣ принадлежалъ прадѣдъ Кутлубицкаго—не выяснено, но взять онъ былъ или при разгромѣ Кременца въ 1648 г. Тугань-Беемъ, или при осадѣ (1649 г.). Сбоража, или передъ битвой при Брестеничкѣ въ 1650 году, когда измѣнившій казакамъ Крымскій Ханъ увелъ съ собой многихъ плѣнниковъ и въ томъ числѣ самого Хмѣльницкаго.

Проданный въ Константинополь, прадѣдъ Н. О. достался Пашѣ, который назначилъ ему быть конюхомъ. Чтобы плѣнникъ не бѣжалъ, ему по обычаю разрѣзали пятки и посыпали туда рубленого конскаго волоса, послѣ чего плѣнникъ могъ ходить только на носкахъ. Изнывая въ плѣну, Кутлубицкой не терялъ вѣры въ Милосердіе Божіе и, будучи религіознымъ, горячо молился объ избавленіи. Однажды ему во снѣ явился неизвѣстный благообразный старецъ и приказалъ итти къ діакону греческой церкви—иконописцу и заказать икону, съ одной стороны которой была бы изображена Богоматерь, а съ другой—Распятіе.

„Съ этимъ образомъ на груди“, сказалъ старецъ, „бѣги изъ Константинополя, и Заступница страждущихъ и плѣненныхъ сохранить тебя въ пути“. Этотъ сонъ повторился Кутлубицкому трижды, и плѣнникъ, повѣривъ видѣнію, пошелъ отыскивать по городу діакониконописца; и найдя такового, просилъ соорудить указанную икону. Діаконъ, узнавъ о его происхожденіи, сказалъ, что образъ его готовъ и заказанъ былъ нѣсколько дней назадъ именно для него неизвѣстнымъ старцемъ, который заплатилъ ему уже за работу. Помолившись передъ иконой, Кутлубицкой повѣсилъ ее себѣ на грудь и въ ту же ночь ушелъ изъ Константинополя. Слѣдующій день онъ пролежалъ въ виноградникѣ, видѣлъ за собою погоню, но открытъ турками не былъ и ночью продолжалъ путь. Такимъ образомъ, идя только по ночамъ, и пользуясь въ пути гостепріимствомъ грековъ и болгаръ, Кутлубицкій благополучно добрался до родины.

Умирая, онъ передалъ чудесную икону своему сыну, завѣщая передавать ее старшему въ родѣ, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ разсказомъ.

Такъ она дошла до Николая Осиповича, вмѣстѣ съ этимъ описаніемъ. Николай Осиповичъ передалъ ее своему сыну Николаю Николаевичу *) (бывшему въ 1854—57 г. Нижегородскимъ Губернскимъ

*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Николаевичъ Кутлубицкій, 2-й сынъ Ген.-Лейтен. Н. О. Кутлубицкаго, родился 24 Іюня 1808 г., на службу вступилъ въ Л.-Гв. Конно-Егерскій полкъ рядовымъ 1-го Февраля 1825 г. Произведенъ въ прапорщики 6 декабря 1828 г.; вышелъ въ отставку полковникомъ 6 Февраля 1843 года.

Предводителемъ Дворянства) со словъ второго и записанъ настоящей рассказъ.

Св. икона, сохранившаяся въ роду Кутлубицкихъ, овальной формы, всего 6-ти дюймовъ высоты, написана масляными красками, на мѣдной доскѣ въ серебряномъ ободкѣ съ такимъ же кольцомъ. На одной ея сторонѣ изображена Богоматерь съ Младенцемъ Иисусомъ, очень сходно съ Ченстоховской, съ той разницей, что Евангеліе въ рукахъ Спасителя на ней закрыто. На другой сторонѣ *высоко-художественно*¹⁾ изображено распятіе и выпарапана цифра 1654—годъ освобожденія прадѣда Кутлубицкаго изъ турецкаго плѣна, знаменательный для русской исторіи по присоединенію Малороссіи²⁾.

Отецъ Николая Осиповича—Іосифъ Григорьевичъ вступилъ на русскую службу по Иностранной Коллегіи (и состоялъ при посольствѣ въ Турціи)—въ 1767 г., когда еще были живы его отецъ и дѣдъ.

Приобрѣтя довѣренность и расположеніе Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, онъ послѣ смерти своего отца въ 1770 году продалъ родовыя имѣнія въ Польшѣ и переселился въ Кіевъ, состоя нѣкоторое время при Румянцевѣ, управлявшемъ тогда Малороссіей, а младшій его братъ Лука Григорьевичъ зачисленъ былъ на службу подпоручикомъ въ Луганскій Пиканерный полкъ.

Первая жена Іосифа Григорьевича Кутлубицкаго, отъ брака съ которой родился Николай Осиповичъ (2 Декабря 1775 г.) вскорѣ умерла³⁾, и онъ женился вторично на дочери Бунчуковскаго—товарища

Участвовалъ въ кампаніяхъ: Турецкой въ 29-мъ году и противъ польскаго возстанія 31 г., за что получилъ нѣсколько боевыхъ отличій. При уходѣ изъ Губ. Пред. Дворянства награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статск. совѣтника съ предоставленіемъ права носить мундиръ Л. Гв. Егерскаго полка. Скончался 1-го Іюня 1874 г. въ Костянкѣ Арзамасскаго уѣзда, гдѣ и погребенъ. Женатъ былъ на Н. И. Панютиной; сыновья отъ этого брака Николай и Александръ Николаевичи умерли бездѣтными. А. Н. былъ женатъ на Э. Л. Билинской, во 2-мъ бракѣ за Н. М. Вонлярскимъ—(Генералъ отъ Кавалеріи), по 3-му—Казнаковой (нач. 1 Гварл. Кавалер. дивизіи).

¹⁾ Отзывъ художника Карелина.

²⁾ Прилагаемъ снимокъ съ этой иконы, въ чудесное происхожденіе которой вѣрилъ и Императоръ Павелъ, когда привязывалъ къ ней свое письмо къ Гр. Румянцеву, отправляя Н. О. Кутлубицкаго въ Малороссію (1793 г.).

³⁾ Кто была урожденная первая жена Іос. Гр. (мать Ник. Осип.), изъ бумагъ Кутлубицкаго не видно, но въ церковныхъ поминаніяхъ она записана „Ульняія (Ивановна)“. Отъ того же брака родилась и сестра Ник. Осип.—Варвара Осиповна, по мужу Войцеховичъ, проживавшая впослѣдствіи на хуторѣ Никольскомъ, Черниговской губ. подъ г. Городней, куда переселился и Ник. Осип. изъ Нижегородской губ. по смерти своей жены въ началѣ 1840-хъ годовъ. Другая сестра Ник. Осип.—Марія Іосифовна, рожденная отъ брака съ А. П. Миклашевской, вышла замужъ за Егора Горленко, помѣщика Прилукскаго уѣзда, Полтавской губ. Братевъ у Ник. Осип. не было.

Петра Миклашевскаго, вдовѣ Аннѣ Петровнѣ, по первому мужу Рославцевой.

Во второй половинѣ 1780-хъ годовъ по ордеру Румянцева Николай Осиповичъ былъ опредѣленъ въ Артиллерійскій и Инженерный шляхетскій корпусъ, гдѣ и учился весьма успѣшно.

Въ бумагахъ Н. О. сохранились отъ того времени его ученическія тетради по артиллеріи, фортификаціи, механикѣ и проч.¹⁾

Наибольшіе успѣхи Кутлубицкой оказалъ по артиллерійскому и фортификаціонному черченію, и чертежи его какъ лучшіе по корпусу съ немногими другими были представлены Императрицѣ Екатеринѣ²⁾, которая, проглядывая ихъ, назначила 17-лѣтняго Кутлубицкаго вмѣстѣ съ другимъ кадетомъ П. М. Капцевичемъ³⁾. 6 Декабря 1792 г. подпоручикомъ въ составъ вновь формируемой батареи въ Гатчинѣ при Павлѣ Петровицѣ.

Вскорѣ туда же были назначены, но уже по выбору Аракчеева, а не Императрицы: Л. С. Бревернъ (впослѣдствіи Петербургскій Плацъ-Майоръ) и П. С. Апрѣлевъ (впослѣдствіи адъютантъ Вел. Кн. Александра Павловича). Командиромъ батареи сдѣлался Аракчеевъ, а Кутлубицкой съ Феврала 1893 г. ея адъютантомъ.

¹⁾ Любопытна тетрадка (1790 г.) „вопросовъ по тактическому классу“, гдѣ имѣются вопросы: „при какомъ случаѣ стрѣлять залпомъ?“ съ отвѣтомъ: „въ весьма близкой дистанціи отъ непріятеля, дабы, принявъ его генеральнымъ выстрѣломъ, ударить въ него штыками, но движеніе сіе опаснымъ признается“—и на вопросъ: „а почему сіе?“ указанъ отвѣтъ: „потому, что трудно сіе произвести безъ конфузій, а конфузія и наибѣйшая опасна вблизи непріятеля“ и пр.

²⁾ Чертежи эти нынѣ находятся въ Историческомъ Музеѣ Гвардейскій Артиллеріи переданные туда внукомъ Н. О.—*Иосифомъ Павловичемъ Кутлубицкимъ*, нынѣ умершимъ (Дѣйств. Стат. Сов., Непремѣнный Членъ Ниж. Губ. Присутствія, знатокъ крестьянск. положенія, бывший мировой посредникъ).

³⁾ П. М. Капцевичъ былъ на три года старше Н. П. Кутлубицкаго. Въ почтовыхъ книгахъ Н. О. Кутл. отмѣчены многія письма на его имя въ концѣ 30-хъ годовъ, изъ чего видно, что Капцевичъ и Кутлубицкій были до конца своихъ дней въ перепискѣ, но писемъ этихъ не сохранилось въ архивѣ Н. О., кромѣ незначительныхъ, изъ которыхъ видно, что Капцевичу удавалось по просьбамъ Кутлубицкаго исходатайствовать пенсіи бѣднымъ вдовамъ и дочерямъ офицеровъ, вслѣдствіе чего Кутлубицкій писалъ: „дай Богъ шану Капцевичу съ его семействомъ добраго здоровьечка“.

Этотъ выборъ, сдѣланный самой Императрицей, рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Николая Осиповича, который сталъ близокъ къ наслѣднику и быстро приобрѣлъ его расположеніе¹⁾.

Являясь въ кабинетъ Павла Петровича, онъ, какъ искусный рисовальщикъ, вычерчивалъ для него планы и фасады различныхъ дворцовъ²⁾ подъ личнымъ наблюденіемъ Наслѣдника, при чемъ, конечно не обходилось безъ разговоровъ и разспросовъ. Павелъ Петровичъ скоро узналъ всѣ семейныя дѣла Кутлубицкаго и узнавши, что тотъ рано лишился матери, не видитъ своего отца, жившаго въ далекой Малороссіи и женившася вторично, принялъ въ немъ самое живое участіе, разрѣшилъ называть себя „батюшкой“ и, именуя Кутлубицкаго „Николкой“, отечески дарилъ его иногда своими вещами³⁾.

1) Изъ писемъ того времени видно, что Н. О. отчасти могъ пользоваться рекомендаціей П. И. Мелестіно, Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Кн. А. Б. Куракина и Л. А. Нарышкина (см. далѣ письма отца Кутлубицкаго).

2) У Павла Петровича была склонность къ архитектурѣ, которая впоследствии такъ оригинально выразилась въ мрачныхъ фасадахъ Михайловскаго Дворца. Несомнѣнно, что архитекторъ этого замка Бренна, какъ и составитель его проекта П. И. Баженовъ, не только имѣли общія директивы постройки отъ самого Императора, но и многія ея детали, вычерченныя усердной рукой Н. О. Кутлубицкаго.

Въ этомъ убѣждаетъ и то, что Коцебу въ своемъ описаніи Михайловскаго Дворца между прочимъ говоритъ: „Архитекторъ Бренна, завѣдывавшій всей постройкой, увѣряетъ, что эти сопоставленія (деталей) были именно предписаны Императоромъ, *будто бы даже сочинившимъ для нихъ рисунки*, но есть люди, которые въ этомъ сомнѣваются“.

Сомнѣвались въ томъ или нѣтъ, но молодой чертежникъ не былъ забытъ Павломъ, когда Михайловскій Дворецъ былъ готовъ. 8 Ноября 1800 г. замокъ былъ торжественно освященъ въ присутствіи Императора, а уже 12 Ноября Кутлубицкій былъ назначенъ первымъ его Комендантомъ.

Во всякомъ случаѣ, Баженовъ вѣроятно охотно бы уступилъ часть своей славы, какъ архитектора, Императору Павлу и его чертежнику—адъютанту, въ особенности если рѣчь идетъ о главномъ (южномъ) фасадѣ замка (къ памятнику Петра I), сочетанія деталей котораго явно изобличаютъ капризнаго, но мало опытнаго художника, совершенно не справившагося со стилемъ.

Среди бумагъ Кутлубицкаго хранилось нѣсколько смѣтъ и набросковъ частей зданія Михайловскаго Дворца, нынѣ утраченныхъ не разобранными.

3) Извѣстно по Рус. Арх. 66 г. какъ Н. О. Кутлубицкій поѣхалъ къ отцу въ Малороссію въ шинели Павла Петровича, замѣнивъ ея красный генеральскій воротникъ чернымъ артиллерійскимъ, но полы не обрѣзалъ, ибо былъ почти одного роста съ Наслѣдникомъ. Эта шинель Наслѣдника (осенняя) сохранилась до сего времени въ вещахъ Кутлубицкаго.

Глубокая религіозность Кутлубицкаго способствовала его сближенію съ Наслѣдникомъ, который зналъ отъ него и про чудесную исторію вышеописанной фамильной иконы¹⁾.

Мы уже замѣтили выше, что своеобразное обращеніе „Николка“, какъ уменьшительное отъ древняго *Николы*, отнюдь не могло заключать въ себѣ какого либо небреженія къ Кутлубицкому со стороны Павла, если бы это хотѣлось кому нибудь такъ представить (см. выше).

Напротивъ, извѣстенъ случай, какъ Кутлубицкой намѣревался однажды передвинуть столъ для чертежей въ кабинетъ Павла Петровича, но тотъ остановилъ его словами: „Оставь, это не твое дѣло; *ты служи Государственный*, у меня есть для этого свой холопъ, какъ у тебя Андрюшка... Иванъ!“ закричалъ Павелъ Петровичъ на Кутайсова, „передвинь столъ“.

Порученіе, данное Павломъ Петровичемъ Кутлубицкому въ 1793 году,—отвезти письмо къ Графу П. А. Румянцеву, несомнѣнно касавшееся вопроса о престолонаслѣдіи Павла Петровича (т. к. Румянцевъ состоялъ членомъ Совѣта, въ который Екатерина передавала этотъ вопросъ именно въ это же время²⁾) доказываетъ, какъ былъ увѣренъ Наслѣдникъ въ Кутлубицкомъ, 18-лѣтнемъ юношѣ, который не могъ проболтаться даже передъ своимъ отцомъ о данномъ ему порученіи.

Слова Румянцева: „Смотри, я вручаю тебѣ мою сѣдую голову“, сказанныя Кутлубицкому при передачѣ отвѣта его Наслѣднику, говорятъ, что порученіе было не обычное, иначе не сталъ бы старый,

¹⁾ По семейному преданію именно къ ней, а не къ кресту Кутлубицкаго, въ 1793 году Павелъ Петровичъ собственноручно привязывалъ письмо свое къ Румянцеву-Задунайскому. Икона эта по тому же преданію „спасаетъ въ пути“, почему Ник. Осип. носилъ ее на груди (по примѣру предка) во всѣхъ своихъ дальнихъ путешествіяхъ, о чемъ извѣстно было и Павлу Петровичу, который такъ склоненъ былъ вѣрить во все чудесное.

²⁾ Постъ бракосочетанія Александра Павловича, какъ извѣстно изъ записокъ Д. П. Рунича (Шильдеръ), Екатерина объявила Совѣту и своемъ намѣреніи „устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность“. Въ составъ этого Совѣта входили графы—К. Г. Разумовскій, П. А. Румянцевъ, Чернышевъ, Салтыковъ, Остерманъ, Мусинъ-Пушкинъ, Воронцовъ и Безбородко. Если П. А. Румянцевъ лично въ немъ не участвовалъ, то это не мѣшало ему настроить надлежащимъ образомъ въ пользу Павла Петровича—Безбородко, которому и приписываются сдѣланныя возраженія, заставившія Екатерину взять свое предложеніе обратно.

выдавшій виды фельдмаршалъ такъ трагически говорить съ 18-лѣтнимъ подпоручикомъ; но у Румянцева въ данномъ случаѣ и не было другого выбора, тогда такъ у Павла Петровича чуть ли не половина „Гатчинцевъ“ была родомъ изъ Малороссіи, и онъ могъ бы сыскать среди нихъ преданнаго чловѣка постарше Кутлубицкаго; но онъ такового не искалъ, а поручилъ рискованное дѣло своему Николкѣ, въ которомъ видѣлъ уже тогда „слугу государственнаго“.

Несомнѣнно, что это тайное порученіе, успѣшно исполненное Кутлубицкимъ, еще болѣе упрочило расположеніе къ нему Наслѣдника, который не скупился для него на награды: и въ концѣ 1796 года Кутлубицкій былъ уже майоромъ *).

Безотлучно находясь при Наслѣдникѣ какъ личный его адъютантъ, Кутлубицкой 5 Ноября 1796 г. былъ съ нимъ и Маріей Θεодоровной на прогулкѣ въ Ропшѣ, былъ свидѣтелемъ пріѣзда въ Гатчину Н. А. Зубова, прибывшаго съ извѣстіемъ о смертельной болѣзни Императрицы, слышалъ разсказъ Наслѣдника и его супруги о видѣнномъ ими снѣ, какъ бы предвѣщающемъ великую переменъ въ ихъ жизни, и вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ ночью отбылъ изъ Гатчины въ Петербургъ и слѣдовалъ за нимъ и въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ лежала умирающая Императрица.

Цѣпь этихъ событій давно перешла на страницы историческихъ романовъ и еще недавно г. Ясинскій изобразилъ съ якобы фотографической точностью картину появленія Павла Петровича въ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ Александръ и Константинъ Павловичи встрѣтили своего отца, одѣвшисъ уже въ Гатчинскіе мундиры... Кинематографъ г. Ясинскаго снялъ за Павломъ фигуру „маленькаго Кутлубицкаго съ мясистымъ лицомъ“ и отмѣтилъ странность движеній и формы одежды этой небольшой, но характерной группы, внушавшей ужасъ окружающимъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что Кутлубицкій дѣйствительно былъ небольшого роста, одинаковаго съ Наслѣдникомъ, но „лишняго мяса“ у него на лицѣ не замѣчается; профилю его (см. портретъ въ Гатчинскомъ Дворцѣ) могъ бы позавидовать любой вельможа Екатерининскаго царствованія, и только неудачная расплывчатая

*) Въ запискѣ Павла къ Аракчееву отъ 2 Января 1796 г. Кутлубицкій именуется еще штабсъ-капитаномъ, но уже въ 1795 году Кутлубицкій былъ назначенъ адъютантомъ къ Ею Высочеству, и только онъ одинъ носилъ это званіе при Цесаревичѣ (свѣд.-собр. Генер. Ратчентъ).

копія съ его миниатюры en face, помѣщенная въ Исторіи Гвардейской Артиллеріи, могла дать поводъ къ подобному описанію. Добрые глаза и 20-лѣтній возрастъ Кутлубицкаго также не могли способствовать устрашающему впечатлѣнію. Что же касается формы одежды и движеній, характеризующихъ своеобразную военную выправку, то о нихъ едва ли возможно говорить что либо по существу. Зимній Дворецъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ различныя военныя формы, и если онѣ не были смѣшны при Дворѣ Фридриха Великаго, то не было недостаточныхъ причинъ къ осмѣянію ихъ и здѣсь. Во всякомъ случаѣ эта мундирная реформа была не болѣе радикальна, чѣмъ таковая же Петра Великаго, рѣзавшаго не только фалды, но и бороды у своихъ подданныхъ.

Первымъ же приказомъ Императора Павла отъ 7 Ноября 1796 г., начинавшимся извѣстнымъ „*пароль — Полтава*“, Кутлубицкой вмѣстѣ съ генераломъ Плещеевымъ и Шуваловымъ, бригадиромъ Ростопчинымъ и (произведеннымъ въ майоры) Нелидовымъ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю; и такимъ образомъ остался при немъ тѣмъ же, чѣмъ былъ при Наслѣдникѣ.

Черезъ 2 дня (приказомъ 9 Ноября 1796 г.) онъ былъ зачисленъ подполковникомъ въ Гвардейскую Артиллерію вмѣстѣ съ Капцевичемъ, Гессе и Апрѣлевымъ.

Занявъ помѣщеніе въ Дворцѣ, Кутлубицкой неустанно исполнялъ самыя разнородныя порученія Императора, не имѣя отдыха даже ночью.

Изъ данныхъ ему тогда порученій съ его словъ записаны Ханенкой—выселеніе изъ Петербурга за уродство горбатой польской графини, экстренное Собраніе Сената съ приказомъ Куракину „не выпускать сенаторовъ изъ присутствія“, пока не будетъ разрѣшено залежавшееся дѣло; объявленіе Платону Александр. Зубову о подаркѣ ему дворца на Морской ко дню его рожденія, поѣздка въ Москву передъ Коронаціей для примиренія Архарова съ Кн. Долгорукимъ, съ полномочіемъ посадить младшаго генераль-губернатора „подъ Ивановскую колокольню“, если этого примиренія не послѣдуетъ, и пр.

Чтобы исполнять всѣ эти порученія, конечно, не требовалось „ума государственнаго“, но нужны были молодость, неутомимость, большой запасъ внимательности и находчивости, которыя и были на лицо у Н. О. Кутлубицкаго.

За удачное исполненіе особо важныхъ въ глазахъ Павла порученій, онъ цѣловалъ Кутлубицкаго въ лобъ, а иногда давалъ и орденъ; такъ извѣстно, что Анну 2 ст. Государь далъ за поѣздку въ Москву къ Долгорукому и Архарову, снявъ этотъ орденъ съ себя.

Особенностью исполненія всѣхъ этихъ порученій являлось то, что Кутлубицкому всегда удавалось исполнять ихъ миролюбиво, чѣмъ довольны были и стороны и самъ Императоръ.

Не будучи еще совершеннолѣтнимъ, Кутлубицкой уже успѣлъ заслужить о себѣ отзывъ Саблукова, что „подполковникъ Кутлубицкой часто рискуетъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Императора, чтобы спастись отъ наказанія молодыхъ офицеровъ“... Въ исторіи Гвардейской Артиллеріи также записано, что благодаря Кутлубицкому „спасена судьба многихъ офицеровъ, полезныхъ для государства“...

Рѣдко-симпатичный отзывъ хоть бы и не для того суроваго времени. Николай Осиповичъ это—Нелидова въ ботфортахъ, но тогда онъ былъ моложе ея почти вдвое.

Записныя книжки Кутлубицкаго того времени явно указываютъ, что и деньги свои онъ раздавалъ въ долгъ, или безъ отдачи нуждающимся офицерамъ; въ нихъ то и дѣло попадаются записи:

Бѣдному штабъ-офицеру дано	25 руб.
Семьѣ бѣднаго офицера дано.	100 руб.
Бѣдному капитану Ф. подъ судомъ	50 руб.
Подпоручику Васильковскому (въ долгъ).	100 руб.
Молодому Мигаю, выпущенному въ офицеры.	100 руб.
Гудовичу въ долгъ	240 руб.
Подпоручику Игнатьеву	500 руб.
И такъ далѣе....	

Кутлубицкой крѣпко помнилъ завѣтъ П. А. Румянцева-Задунайскаго, сказанный ему передъ отъѣздомъ изъ Малороссіи въ Гатчино: „*Проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но чтобы для себя языкъ твой не заикался. А когда угодно будетъ Богу наградить тебя черезъ Царя, то онъ и наградить*“.

Какъ бы въ подтвержденіе этого добраго завѣта, черезъ день послѣ своего совершеннолѣтія Кутлубицкой получилъ отъ Императора 1000 душъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи, что сразу сдѣлало

его вполне обеспеченнымъ человѣкомъ, и онъ сталъ помогать своей семьѣ.

На богато разрисованномъ золотомъ и акварельными красками широкомъ пергаментѣ, украшенномъ по краямъ гербами областей и губерній, послѣ полного титула Императора, помѣщенного подъ Государственнымъ Гербомъ, между прочимъ указано:

„Объявляемъ симъ, что Мы 1796 года Декабря 4 дня въ воздаяніе усердія къ Намъ и ревности къ службѣ Нашей, оказанныхъ по бытности при насъ подполковника Николая Кутлубицкаго, Всемилоствѣйше пожаловали ему въ вѣчное и потомственное владѣніе 1000 душъ“ и далѣе: „а 1797 г. Февраля въ 12-й день въ число оныхъ назначили къ отдачѣ ему Нижегородской губерніи, Лукояновской округи дворцовыя деревни Березовку, Аламаево, Костянку и Крапивки съ принадлежащими по дачамъ къ онымъ селеніямъ землями и угодіями“.

Кутлубицкому не было времени взглянуть и распорядиться отведенными ему землями, и въ роль распорядителя имѣніями вступилъ его отецъ, пріѣхавшій изъ Малороссіи. Вотъ какъ онъ писалъ по этому случаю своему сыну въ Маѣ 1797 года изъ Нижняго-Новгорода:

„Другъ мой Николай Іосифовичъ.

По отъѣздѣ Вашемъ, проводилъ я истиннаго нашего пріятеля Батиль-Бея въ его путь*), который просилъ меня, чтобы не оставлять его нашими извѣщеніями, надписывая оныя въ полуостровъ Крымскій въ Карасу-Базаръ, о чемъ и прошу Васъ не поупомнить и почаще къ нему писывать, чтобъ онъ также продолжалъ и впредь, ибо Вамъ извѣстно къ намъ его расположеніе.

А потомъ, собравшись за помощью Всевышняго, прибылъ я благополучно въ губернскій здѣшній городъ, въ которомъ приобрѣлъ здѣшняго губернатора Андрея Лаврентьевича Львова съ такимъ искреннимъ ко мнѣ расположеніемъ, что повѣрьте, другъ мой, такого рѣдкостнаго человѣка въ нынѣшнія времена сокровищемъ поставлять должно.

*) Вѣроятно, одинъ изъ бывшихъ крымскихъ хановъ, прибывшій въ Москву на коронацію Павла. Отецъ Кутлубицкаго повидимому былъ знакомъ съ нимъ по дѣламъ Иностранной Коллегіи, будучи при посольствахъ во время Румянцева.

Онъ изволилъ меня обвезить по всѣмъ находящимся здѣсь рѣдко-стямъ и не меньше познакомилъ меня съ обитающимъ здѣсь благо-роднымъ обществомъ, которое я нашель не нашимъ хохламъ подобное. Нынѣшній день онъ отправилъ въ наше владѣніе, которое положено въ Арзамасской округѣ, двухъ землемѣровъ и самъ обѣщаль тамъ быть; нужно всѣ ситуациі на планы снять, а послѣ выдѣлку намъ принадлежащаго учинить и людямъ всѣмъ по мѣркѣ удѣлить, то, мой миленькій, и я долженъ буду всю окружность осмотрѣть и намъ при-надлежащее выдѣлить, чтобы впослѣдствіи не могло быть отъ того урону. По прибытіи же изъ деревни не оставлю наборъ учинить и нужныхъ рекрутъ не омѣшкаю къ Вамъ доставить.

Старайтесь матушку¹⁾ до повороту моего къ Вамъ сколько воз-можно забавлять и не оставьте познакомить ее въ домѣ благодѣтеля нашего Льва Александровича²⁾, съ Мариной Іосифовной и ея дочерьми и другими домами. Не укосните и сами почаще бывать у Ивана Григорьевича Сумбатова, котораго я просилъ о домѣ чтобы купить, когда въ Ломбардѣ съ аукціона продавать будутъ. Для выбора его попросите г-на Яковлева—человѣка опытнаго, которому свидѣтельствую мое по-чтеніе. Выполнилъ ли онъ свое ко мнѣ обѣщаніе? Буде же нѣтъ, то матушку съ его домашними не знакомьте, а буде выполнилъ,—то прошу тѣсную дружбу завести. (Sic!).

Ивана Григорьевича Киселевскаго сынъ—при Иностранной Кол-легіи вакцинъ, котораго прошу жаловать и о немъ попеченіе, какъ о родственникѣ, не оставьте у князя Александра Борисовича³⁾.

Такихъ людей имѣйте въ незабвенной памяти, чтобы избавиться отъ тѣхъ, кто нынѣ при Васъ находится⁴⁾.

Далѣе отецъ пишетъ:

„Въ Измайловскомъ полку есть сержантъ Мошинскій, дитя лѣтъ 17, у котораго мать бѣдная вдова. Она просила меня не оставить его

1) Мачеха Николай Осиповича Анна Петровна, рожденная Миллашевская. по 1-му мужу Рославцева; 2-я жена І. Гр. Кутлубицкаго.

2) Л. А. Нарышкинъ, шталмейстеръ Петра III, который про это царствованіе говорилъ: „с'est le règne de la folie; tout notre temps se passe à manger, boire et faire des folies“. (Замѣтки Екатерины Великой).

3) А. Б. кн. Куракинъ, вице-канцлеръ.

4) Большой афронтъ для 20-лѣтняго Генераль-Адъютанта. Паленька его былъ повидимому человѣкъ практическій.

своимъ ходатайствомъ. Я знаю ихъ по бывшему нашему имѣнію Галіонкѣ.

Еще Вы, другъ мой, не оставьте отъ себя написать письмо здѣшнему Губернатору Львову за оказанную имъ мнѣ благосклонность, а записки Софьи Ильинишны генеральши Максимовичевой¹⁾ ради Бога не упоминайте; она ему сестрица и онъ просилъ у Васъ за нее ходатайствовать у Палицына, чтобы въ ея справедливости Марковичъ ее не обидѣлъ. А такъ какъ *она и Вамъ по покойному дядь тетка*, то Вы по долгу родственника усиленное въ ея пользу стараніе употребите“...

„Съ здѣшней Казенной Палаты за первую половину года оброку 1647 р. 1 к. получилъ и съ онаго доставляю Вамъ 500 руб., изъ которыхъ Вы удѣлите матушкѣ 200 и не упоминайте о сестрицѣ Вашей—Варварѣ, и больше всего пекитесь о пребываніи ея въ пансіонѣ и не оставьте обучать ее рисованію. Впрочемъ, я отдаю все сіе благорасположенію Вашему и надѣюсь, что Вы объ нихъ примете все тѣ мѣры, которыя въ текущее время могутъ быть для нихъ полезны“.

„Не забудьте сами у барона Васильева²⁾ *выстрапать* оброку за прошлый годъ, который былъ уже внесенъ въ казну: въ Петербургѣ ли Вамъ выдадутъ или въ Нижній-Новгородъ предпишутъ“.

„Если не выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ г. Тумановъ, прошу ему кланяться, а также и Алекс. Фед. Башіеву. Побывайте у г. Гибонъ (?) и скажите ему, что Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ стараніе по дѣлу его имѣть обѣщалъ. За отца Василя Тишковскаго я лично просилъ того же Сиверса, и онъ обѣщалъ все выполнить. Передайте мое привѣтствіе Ивану Павловичу³⁾ и др. А затѣмъ пожелавши Вамъ отъ искренности моей всѣхъ благъ какъ внѣшнихъ, такъ и вѣчныхъ, пребываю Вашимъ искреннимъ и истиннымъ другомъ. *Иосифъ Кутлубицкій*“.

„Р. С. А Лукъ Григорьевичу прошу сказать, чтобы не часто учащалъ къ г. Яковлеву и особливо чтобы *пьясокъ не производилъ*, пусть вспомнить, что уже не молокосось⁴⁾“.

¹⁾ Вдова Генераль-Майора Максимовичъ въ коронацію Павла получила 293 души въ Малороссіи, какъ то видно изъ списка наградъ 5 Апрѣля 1797 г. Этой выпиской между прочимъ устанавливается родство Кутлубицкаго съ Максимовичами.

²⁾ Впослѣдствіи Графъ, Министръ Финансовъ, а пока Начальникъ Главнаго Казначейства.

³⁾ Кутайсову.

⁴⁾ Лука Григорьевичъ—дядя Ник. Осип.—поручикъ Луганскаго пиканернаго полка.

Межь тѣмъ напутствіе Графа Румянцева по отношенію къ Кутлубицкому сбывалось быстро: на второй мѣсяць царствованія уже къ 1 Января 1797 г. онъ былъ пожалованъ Генераль-Адъютантомъ съ производствомъ въ Генераль-Майоры, прямо изъ подполковниковъ, минуя чины полковника и бригадира, что даже въ царствованіе Павла являлось событіемъ исключительнымъ; это дало поводъ Николаю Осиповичу отшучиваться отъ любопытныхъ—на вопросъ,—за что онъ такъ быстро попалъ въ генералы,—что его Государь „обошелъ двумя чинами“; каковой отвѣтъ въ свою очередь далъ поводъ записать Лопухину нелѣпость про генераль-аншефа, которая до сего времени повторяется въ біографіи Кутлубицкаго *).

Этотъ „обходъ двумя чинами“ Кутлубицкаго Государь приурочилъ къ 1 Января 1797 г.,—предполагаемый день заключенія Павла въ замокъ Лодэ... По крайней мѣрѣ такъ тогда говорили.

Одновременно съ Кутлубицкимъ пожалованы были Генераль-Адъютантами къ Государю Князь Шаховской, Неплюевъ и Баратынскій.

Въ Апрѣлѣ того же года, на коронацію, Кутлубицкой получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса, на 5-мъ году службы въ офицерскихъ чинахъ, будучи 21 года отъ роду.

Порученія, даваемыя съ этихъ поръ Кутлубицкому Государемъ, принимаютъ болѣе широкій и отвѣтственный характеръ.

Павель сталъ пользоваться Кутлубицкимъ для инспекторскихъ смотровъ войсковыхъ частей, крѣпостей и различныхъ снабженій по артиллерійской и инженерной части.

*) Въ бумагахъ Н. О. Кутлубицкаго между прочимъ сохранился слѣдующій приказъ относящійся къ этому времени:

„Указъ Его Императорскаго Величества изъ Государств. военной коллегіи. Господину Генераль-Майору и Кавалеру Кутлубицкому. № 236 отъ 5 Января 1797 года:

Во Всемилостивѣйшемъ Е. И. В. приказѣ въ первый день сего Генваря, отданномъ при паролѣ Е. И. Выс. Александру Павловичу и копіи въ военную коллегію отъ Президента ея Генераль-Фельдмаршала Графа Николая Ив. Салтыкова для надлежащаго исполненія, между прочимъ написано: „Его Императорское Величество Всемилостивѣйше жалуетъ находящагося при немъ флигель-адъютанта подполковника Кутлубицкаго въ Генераль-Адъютанты съ чиномъ *генераль-майора*“ Государ. воен. коллегія приказала: Васъ, г. Генераль-Майоръ, на сей пожалованный Вамъ чинъ привести къ присягѣ. (Въ тѣ времена присяга давалась вновь при каждомъ производствѣ).

14 Ноября 1797 г. Павелъ снабдилъ его двумя чистыми бланкетами за своей подписью „на случай могущихъ быть отъ Его Имени распоряженій“ и вручилъ собственноручный рескриптъ, которымъ поручалъ Кутлубицкому произвести осмотръ крѣпостей, пограничныхъ съ Турціей, и войскъ, находящихся подъ начальствомъ Генераль-Фельдмаршала Гр. Салтыкова и полныхъ Генераловъ—Беклешова, Розенберга, Михельсона, Дунина и Апраксина.*) На другой же день Кутлубицкой выѣхалъ изъ Петербурга, взявъ съ собой черезъ Румянцева 20 тысячъ рублей изъ банка подъ залогъ пожалованныхъ ему имѣній, большую часть которыхъ онъ роздалъ бѣднымъ семействамъ офицеровъ отъ имени Императора.

18 Ноября онъ доносилъ уже государю изъ Суража о произведенномъ имъ смотрѣ кавалеріи. 19 Ноября доносилъ изъ Витебска, 20-го изъ Могилева, 30-го изъ Каменецъ-Подольска, въ Декабрѣ изъ Очакова, въ Январѣ изъ Херсона, изъ Александровской крѣпости, Петропавловской крѣпости, изъ Черкаска, Бахмута, въ Февралѣ изъ Елисаветграда и т. д.

Застигнутый въ дорогѣ водополю, онъ писалъ Растопчину 15 Февраля 1798 года:

М. Г. Ѳедоръ Васильевичъ.

Буде, паче чаянія, Е. И. В. изволить сказать, что я долго очень ѣзжу, то прошу вѣрноподданнически доложить Е. И. В., что мнѣ никакъ нельзя скорѣе поспѣть объѣздить, ибо по причинѣ здѣшняго климата и здѣшнихъ горъ бываетъ перемѣнная погода, что со мной и случилось, когда сдѣлалась оттепель и снѣгъ весь въ 10 часовъ протаялъ, то промежду горъ такія сдѣлались рѣки, что никакъ перѣхать было нельзя до тѣхъ поръ, пока вся вода не сбѣжала, и я принужденъ былъ до 12 числа сего мѣсяца жить въ чистомъ полѣ подъ Елисаветградомъ; и я не знаю, какъ буду впередъ ѣхать: рѣки вездѣ разлились, мосты посрывало и плотины также. То и прошу Васъ, М. Г., если Е. И. В. будетъ объ этомъ говорить, доложить, чѣмъ чувствительно обязать извольте.“

*) Этотъ рескриптъ, сохранившійся въ бумагахъ Кутлубицкаго, сообщенъ въ Русской Старинѣ 1898 г. Въ Сентябрѣ 1836 года Ник. Осип. посылалъ этотъ рескриптъ Императору Николаю Павловичу вслѣдствіе его просьбы, и онъ былъ возвращенъ Кутлубицкому Николаемъ Павловичемъ черезъ Лонгинова при письмѣ отъ 29 Сентября 1836 года.

Всѣ донесенія Кутлубицкаго Императору заключаютъ въ себѣ не только благожелательные отзывы о всѣхъ начальникахъ войсковыхъ частей, каковыя онъ находилъ всегда въ отличномъ, хорошемъ и порядочномъ состоянїи, но и довольно рѣшительныя мнѣнія о негодности крѣпостей и ихъ вооруженія.. Тамъ же приведены иногда обоснованныя распоряженія о переводѣ войскъ изъ одной стоянки въ другую, вынужденный осмотръ крѣпости, его инспектированію не подлежащей, и др. самостоятельныя рѣшенія и дѣйствія, доказывающія не только инициативу инспектирующаго, но и то, что онъ не боялся нарушить букву устава, когда это требовалось измѣнявшимися обстоятельствами.

Едва ли не самое интересное въ донесеніяхъ Кутлубицкаго съ бытовой стороны, это заключительная часть донесенія его изъ Александровской крѣпости отъ 14 Января 1798 года, за № 197, въ которой указано: „Также нашель я здѣсь Абрамова полка майора Банка, который Всемилостивѣйше пожалованъ въ подполковники и назначенъ комендантомъ въ Ново-Двинскую крѣпость. Но оный Банкъ не только чтобы ѣхать, но даже и ходить не можетъ и уже шесть лѣтъ какъ боленъ ранами и ломотой въ костяхъ и во всемъ тѣлѣ. Правая нога у него вся изранена, да и правымъ глазомъ совсѣмъ не видитъ...“

На это сообщеніе послѣдовала резолюція Павла: „Банка оставить тамъ, а на мѣсто его въ коменданты другого.“ *)

Въ эту командировку генераль-адъютантъ Кутлубицкій могъ бы широко удовлетворить своему честолюбію, если бы таковое было у него развито въ ущербъ другимъ свойствамъ: ему не исполнилось еще 22 лѣтъ, а ревизіи его подлежали пять полныхъ генераловъ и одинъ генераль-фельдмаршалъ (Салтыковъ).

Чистые бланкеты за подписью Императора были у него въ карманѣ, но Кутлубицкой, какъ извѣстно, возвратилъ Павлу оба бланкета неиспользованными, нашель войска въ порядкѣ, а найденныя неисправности устранилъ личнымъ распоряженіемъ; и только крѣпости и ихъ вооруженіе признаны были подлежащими исправленію, въ чемъ конечно не могло быть прямыхъ виновниковъ.

Павелъ былъ очень доволенъ результатомъ ревизіи Кутлубицкаго, въ которой тотъ пробылъ почти шесть мѣсяцевъ, радовался, что „ни-

*) Исторія Государевой Свиты.

кого не сдѣлалъ несчастнымъ черезъ эту ревизію“ и повелѣ Николая Осиповича къ Императрицѣ, которой повторилъ тѣ же слова.

24 Іюня 1798 г. за эту поѣздку Кутлубицкой 22 лѣтъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества.*)

Сообщилъ И. Бронскій.

*) Въ бумагахъ Кутлубицкаго отъ этого времени сохранился нижеслѣдующій приказъ изъ Госуд. военной коллегіи *отъ 25-го Іюня 1798 г.*, № 10647.

„По Высоч. Его И. Вел-ва приказу, отданному въ 24 день сего Іюня, между прочимъ написано: „Его Им. Вел-ва Генераль-Адъютантъ Кутлубицкій Всемилостивѣйше жалуется въ Генераль-Лейтенанты и опредѣляется въ свиту Его Императорскаго Величества.

Государ. Коллегія приказала: чтобы Вы, господ. Генераль-Лейтенантъ, на сей пожалованный Вамъ чинъ учинили надлежащимъ образомъ присягу...“